

18+

Евгений Кремнёв

МЕСТЬ, ЛЮБОВЬ И НЕКОТОРЫЕ ЖИВОТНЫЕ

рассказы и маленькая повесть

Евгений Кремнёв

**Месть, любовь и некоторые
животные. Рассказы
и маленькая повесть**

«Издательские решения»

Кремнёв Е.

Мечь, любовь и некоторые животные. Рассказы и маленькая повесть / Е. Кремнёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747518-5

Темы рассказов и повести — любовь и секс. Истории — от обыденных (то, что мы наблюдаем в реальной жизни) до мистических и потусторонних. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-747518-5

© Кремнёв Е.
© Издательские решения

Содержание

Ты – моё чудовище!	6
Голос	8
Мечь	9
Его химера	11
Среди живых	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Месть, любовь и некоторые животные Рассказы и маленькая повесть

Евгений Кремнёв

Иллюстратор Евгений Кремнёв

© Евгений Кремнёв, 2024

© Евгений Кремнёв, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4474-7518-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ты – моё чудовище!

Слабый ветерок колыхает штору на балконной двери. Двое в постели. Он – по пояс голый, она – в рубаше и трусиках – предаются долгому поцелую. Он, отрываясь от её губ. – И что это значит?

– Тебе не нравится? – Девушка расстёгивает на рубаше верхние пуговицы, открывая ложбинку между тяжёлых грудей.

– Нравится. Но мы не виделись пять лет. И этот неожиданный звонок и встреча?..

– Ты, наверное, забыл, кто я?

– Нет, не забыл. Ты – авантюристка. Я боюсь даже предположить, сколько мужиков плясало под твою дудку за эти годы.

– О-о, можешь не ограничивать себя в фантазиях, все равно ошибешься.

– Ладно, я лучше не буду ничего предполагать. – Он касается губами ложбины между её грудей.

– Ты помнишь нашу последнюю встречу?

– Тогда я по балконам залез к тебе на пятый этаж.

– Да. И получил награду.

– Награду-то получил. Но ты слукавила.

– Разве?

– Ты обещала, что будешь моей. А на самом деле?

– Ты провел со мной ночь. И я была твоей.

– Я хотел быть с тобой не одну ночь, а всю жизнь.

– Ну, дружок мой наивный. Залезть на пятый этаж и получить меня на всю жизнь? Этого мало. И ты был так испуган, так трясся. Я тебя просто пожалела. Не могла же я тебя оставить без награды.

Он обижается почти по-детски. – Ты залезь на пятый этаж, тоже затрясешься!

– Давай не будем препираться, – говорит она и одаривает его долгим поцелуем; отстраняется, стирает помаду с мужских губ.

– Я слышал ты замужем?

– Да, штампик в паспорте есть.

– Только штампик? А сам субъект?

– А вот субъект под большим вопросом!

– Плохо себя ведет, что ли?

– Просто отвратительно.

Он глядит в сторону балконной двери. – Что за шум? Как буд-то крики за окном?

– Наверное, муж.

– Что-о?!

– Муж карабкается на пятый этаж по балконам.

– Что-о?!!

Он пытается вскочить, она удерживает его за руку. – Муж пытается заслужить прощение за измену. – За окном слышен удаляющийся крик, который внезапно прерывается.

– Кажется, ему не видать прощения.

– Он же разбился! Ты – монстр!

– Я ему предложила цену прощения, он согласился. В чем проблема? Ты тоже когда-то лазил как он. И монстром меня не обзывал.

– погоди, погоди! А на кой чёрт я тебе понадобился?

– Если бы он взобрался на пятый этаж, то ему пришлось бы еще биться с тобой. Я ему задачу усложнила. Правда, он об этом уже не узнает.

– Ты... Ты – чудовище! Ты... я не знаю кто!

– Хочешь приз от чудовища?

Она снимает рубаху и даёт ему насладиться зрелищем обнажённого тела.

– А бонус к призу хочешь?

Она снимает трусики и нежно толкает его в грудь. Он валится на спину, она склоняется над ним и расстёгивает молнию на его джинсах. – Кстати, ты мне изменял?

– Как я мог тебе изменять? Я же не муж твой?

– Ты спал с кем-нибудь кроме меня? – Он тянется губами к её грудям. – Конечно. Ведь пять лет прошло?

Она оставляет молнию в покое. Садится.

– А помнишь, ты клялся ТОГДА, что будешь любить меня всю жизнь?

– М-м. Помню.

Она накидывает рубаху, встаёт с постели, подходит к балконной двери.

– Тогда меня снова надо заслужить...

Конец

Голос

Он лежал на животе. Навалился на него кто-то тяжёлый тёплый, скрипнув кроватью, и, задохнувшись, он заснул, а утром так и не смог понять, был это сон или явь?

Следующей ночью появился голос.

Сначала он пугался. Но потом привык. Приходя с работы, наскоро ел, раздевался, залезал в кровать, вытягивал своё длинное нескладное тело, замирал и ждал.

Голос был нежен и медоточив. Шепчущее эхо отдавалось в костях, и они сладко ныли. Потом мельчайшими пузырьками из пор выходила тяжесть и тело становилось невесомым. Там, где был позвоночник, появлялась длинная тонкая нить сладкой истомы, постепенно раскручивавшейся в непомерную спираль, приближавшей к невиданному счастью. И когда было рукой подать до этого невиданного и неслыханного, он непременно засыпал. Утром он просыпался с ясной головой, но тело болело так, словно его колотили палками и он с ненавистью разглядывал свои руки, ноги, живот, грудь.

Весной он расконопатил балконную дверь, и голос стал громче.

Вскоре потеплело, и однажды ночью пошёл дождь.

В открытую балконную дверь слышно было, как капли стучат по перилам. Он лежал, натянув до подбородка одеяло, и когда, окутанное шёпотом тело почти растворилось, невероятным усилием заставил себя встать и вышел на балкон.

Прямо над головой висела размытая звезда.

Он сбросил с плеч одеяло, вскарабкался на перила, секунду побалансировал, махая руками, и шагнул в пустоту.

...Он открыл глаза и увидел перевёрнутую перспективу балконов, а также бриллиантовые капли дождя, замедленно летевшие к лицу. Одна из них упала в глаз, но он не моргнул.

Встав, он обогнул дом, вошёл в свой подъезд и поднялся на четвёртый этаж. Толкнул дверь – она осталась на месте, но открылся её бледный двойник и он вошёл внутрь.

На балконных перилах висело одеяло. Звезда сияла ещё ярче. Внизу, в пузырящейся бриллиантовой луже, белело распростёртое тело.

Он оглядел себя, но увидел балкон, залитый ярким светом и больше ничего.

Звезда медленно погасла.

Конец

Месть

Хочу мести! – Алёну прямо разносило от переполнявшей её злости, когда утром он проехал мимо неё на новеньком джипе с какой-то крашеной матрёшкой, сидевшей рядом.

И ведь было от чего.

Три года назад она сама бросила катившегося в пропасть Ромку. Но не просто же так! Этому предшествовала длительная предыстория с неудачами в бизнесе и многомесячным пьянством. Тогда она чувствовала себя со всех сторон правой – разве можно молодой привлекательной женщине терпеть такого алкаша?

И надо же – как только она выгнала его, дела бывшего мужа пошли в гору.

То ли случайно, а может и с умыслом он купил квартиру в новом доме, около их бывшей общей квартиры, которую она со скандалом отсудила.

Итак – Алёна каждое утро бесилась и сегодня вышла из подъезда с настроением, что выкинет что-нибудь экстраординарное, а она это могла – за это он её и полюбил когда-то, за это и добивался два года, расписывая тротуар под её балконом признаниями в любви.

Одним словом, когда его джип неспешно приблизился к ней, шедшей по тротуару, она, почти не соображая, что делает, шагнула под него.

Раздался визг тормозов, глухой стук.

И вот Алёна лежит на асфальте. Рома, на коленях перед ней, судорожно пытается вспомнить, на какие кнопки мобильного жать, чтобы вызвать скорую, крашеная матрёшка застыла на своих двадцатисантиметровых каблучищах, зеваки вокруг собираются, а вот и скорая, потом – полиция, ГИБДД, потом следователь, а вот суд и тюрьма... Алёше дают два пожизненных срока... Ерунда какая-то!..

Оказывается, это Марине снится – она выходит из тяжёлого лекарственного забытья...

У Марины сломана нога, пара рёбер треснуло, сотрясение, гематомы там-сям, но, жить, по словам врача, будет, и красивые ножки будут так же зазывно цокать каблучками по асфальту и тяжёлая грудь будет так же мерно колыхаться, притягивая взгляды мужчин.

Да, грудь... Из-за неё она всё отмахивалась от предложений Алёши завести ребёнка, и две лишних складки на животе ей были не нужны, да и она ещё такая молодая, давай для себя годик-другой поживём?..

...Через три дня после случившегося пришёл Роман. Он ввалился с огромным букетом цветов, нагруженный пакетами со вкусностями. К тому времени Алёна уже знала, что это он оплатил VIP-палату, в которой она комфортно лечилась-сучала.

Лёша выказал радость, что всё обошлось без тяжёлых травм, пожаловался, что его терпят гибэдэдэшники за якобы наезд, просил после выписки подтвердить, что это она сама шагнула под машину. Алёна обещала подумать.

Роман был жалок и радости ей эта иррациональная месть уже не приносила. Ну, пусть даже его посадят, и он будет страдать, там, где-то далеко, а она даже не будет видеть это. И какое в этом удовольствие? Нет, он должен быть рядом!

Алёна чувствовала, что в ней зреет очередное безумие.

Во время следующего визита женщина попросила бывшего мужа сесть рядом с постелью, взяла его руку в свою и сказала, что скучает по нему. Хочет вспомнить вкус его губ, запах тела. Ошарашенный Рома закрыл дверь на щеколду.

...Алёне в какой-то момент даже стало смешно от вида себя с задранными ногами, на одной из которых был аппарат Елизарова. Она даже какой-то фильм вспомнила, но, впрочем, удовольствие женщина получила и на вопрос Ромы сказала, что спираль на месте и нежелательного залёта он может не опасаться.

М-да! Всё было с точностью до наоборот.

Для надёжности она проделала это с бывшим мужем ещё пару раз.

Через четыре недели её выписали, они совместно с бывшим супругом сходили в ГИБДД уладить ситуацию, а потом Алёна объявила Роме, что видеть его больше не желает.

Рома не очень удивился – он был свидетелем и не таких закидонов бывшей супруги.

Через девять месяцев Алёна родила дочку.

...Она также утром появляется на тротуаре и катит перед собой коляску с ребёнком. Так же мимо проезжает Рома. Только теперь рядом с ним не сидит крашенная матрёшка. И джип у него старый и разбитое боковое стекло заделано полиэтиленом. Он останавливается и просит Алёну поговорить и показать ребёнка. Алёна отвечает неизменным отказом. Её сердце переполняется радостью исполнившейся мести. Иногда даже закрадываются мысль о прощении...

Конец

Его химера

Каждый из нас видел эти объявления. Они висят у отделений полиции, на вокзалах. Они о пропавших без вести.

В пол-одиннадцатого в кабаке дым коромыслом.

Со сцены долбят лезгинку, под сценой – мелькающие в экстазе горского танца ноги южан-торговцев, а Наташа – вдруг свободная в конце последнего заезда – сидит в полумраке рядом с Сережей за их сдвинутыми столами, под змейками сигаретного дыма, в галдеже наливающейся братвы, и клонится к его плечу, впиваясь коготками в каменный бицепс. Она всегда так делает, когда он шепчет ей интимности. Например такие. – Как хочу тебя! Ты бы знала!..

Игорек поет медленный боевик. Душещипательный.

Что скрывается за сухими строками? Преступление? Несчастный случай? А может что-то иное?..

Одно из таких объявлений гласило:

24 июня 1993 года ушел из дома и не вернулся Сергей Андреевич К-в, 1966 года рождения. Всем, кому что-либо известно о местонахождении К-ва Сергея Андреевича просьба позвонить по телефонам

Три дня назад Ольга вышла замуж.

Она сидела в солнечном кабинете на первом этаже краеведческого музея и вертела в руках бронзовую Психею, пытаясь заняться ее датировкой. Но не получалось с датировкой: мысли, обтекая обнаженную фигурку, уносились в иное – в сладостные перипетии начавшейся жизни с мужчиной. Опершись свободной рукой о стол, она задумчиво крутила завиток русого волоса; глаза, в оправе припухших век смотрели сквозь статуэтку и видели мужа.

Ее главный страх оказался пустым: Сергей, вначале пораженный – это в двадцать-то три года! – три ночи страстно, но терпеливо, настойчиво, но сглаживая нежностью уколы боли, рыхлил ее лоно. В прошлую ночь она, наконец, избавилась от обременительного девства и – при этой мысли у нее кружилась голова – с сегодняшней ночи она будет с ним настоящей женщиной.

Дверь приоткрылась и в ней появилось сметанное лицо с черными глазами: подружка Ната.

– Привет, Олюнчик! – сказала Ната, входя и сразу повернулась к зеркалу. – Совсем заматалась! Новая прическа, а я трясусь в Толином драндулете и совсем не вижу... Конечно! – вскрикнула Ната, – На голове полный кавардак! – она наманикюренными пальчиками поправила нежную солону челки, косой волной падавшей на лоб, осторожно взбила твердые от лака боковины и посверлила себя критическим взором. Роясь в сумочке, спросила. – Надеюсь, наш завтрашний девичник остается в силе?

– Да. Я Сереже сказала.

– И как он? Со скрипом?

– Легчайшим. Он у меня ангел.

– Знаем мы этих ангелов! – Ната извлекла из сумочки помаду, раскрыла рот и заработала над губами. Завершив косметическое таинство, она захлопнула лягушачью пасть сумочки и ткнула пальцем в акварель с морем и пальмами, висевшую рядом с зеркалом. – А это что за баунти?

– Муж подарил.

– Му-уж! – насмешливо промодулировала подруга и по-змеиному качнула головой. – Ну что ж. Вполне, вполне!

Полубернувшись, она иронично покосила глазом на Олю.

– Не нравится – не смотри, – сухо ответила Оля, поставила Психею и раскрыла альбом репродукций.

– Ну-ну! Не надувайся! – примирительно сказала Ната и присела на край Ольгиного стола. – Нравится, так нравится! – она вздохнула. – А мне еще два дня с выставкой возиться.

– Ну что ж «возиться», – Оля бесцельно листала альбом. – Держись художники...

– Вот именно – держись!.. За стены, за косяки, при сильном ветре не высовываться! Они там все ровесники Репина Ильи не помню каковича, – она наклонилась к подруге. – Ну, хватит, несмеяна! Старая больная обезьяна немного завидует тебе.

Ольга оторвала полусонные глаза от лощеных картинок и тихо, но твердо сказала. – Ната, я перед тобой не виновата.

Наташа вздохнула, посмотрела в окно. – Ну кто тебя винит! Это жизнь... Ладно... – она соскользнула со стола, повесила сумочку на плечо и, лукаво улыбнувшись, погрозила Ольге пальчиком. – А тебя мы завтра напоим и заставим рассказать как расстаются с невинностью. А то мы с Машкой забыли, как это делается.

– Наташа, замолчи! – Ольга сморщилась и воткнула пальчики в виски. – Меня воротит от твоих пошлостей!

– Наталья Сергеевна! – крикнули из-за двери. Она тут же распахнулась и вошел шофер Толик со вздёрнутым носом Ивана-дурака и ключом зажигания, вечно болтающимся на указательном пальце. – Наталья Сергеевна, сколько можно ждать?

– Стучать нужно, изверг, когда, к дамам заходишь!

– Тут что, туалет?

Ната приподняла плечи, закатила глаза и томно произнесла. – Ах, этот мой кучер!.. Он становится невыносим!..

Она грудью выдавилась вместе с ним из кабинета, успев сделать Ольге ручкой и сказать. – До завтра-а!

Ольга поставила Психею в угол кабинета, в компанию Артемид и Фемид, и, коли уж не работалось, решила пойти наверх к столяру, узнать, как продвигается стенд для новой экспозиции. Выйдя в прохладный коридор катакомбного вида, Ольга зябко повела полными плечиками и со свету толком не поняла, что там за фигура в конце коридора, а разглядев, сказала себе: ну это уж слишком! – и торопливо зашагала вслед странной девице.

Из бокового коридора вышла Ната и, незамеченная, пошла в Ольгин кабинет...

...Какая странная красота! И прическа! Вавилон какой-то! И почему она так одета? – Действительно: рыжие волосы незнакомки были уложены в прическу в форме туземной яранги, из-под которой выглядывали удлинённые капли оливковых глаз, черное платье-мини с блестящими, с низким лифом – так что видна была ложбинка между грудей – плотно облегалo округлости и выпуклости смуглого тела и делало ее похожей экзотическую бабочку, невесть как залетевшую в проплавленное июльским солнцем дребезжащее нутро троллейбуса.

Она поймала его взгляд, приоткрыла рот и провела язычком по алым губам. Намек на жажду известного рода был такой неожиданный и очаровательно-бесстыдный, что Сергей смутился и отвел глаза. Собственная слабость разозлила его, и он в упор взглянул на незнакомку. Та не обратила внимания на вызов, поднялась и подошла к двери. Когда двери раздвинулись, она повела черными каплями в его сторону, невинно улыбнулась и вышла. Секунду поразмышляв, Сергей катапультной, опережая сдвигающиеся створки, вылетел вон.

Незнакомка удалялась до странности быстро. Ее чужеродность стала еще разительней здесь – на погрязшей в обыденности и заполненной флюидами слепополуденной скуки улице. Она была босой. Она двигала руками так, будто гладила пушистые шары.

Сворачивая за угол, незнакомка оглянулась еще раз и, по кошачьи выгнув спину, исчезла.

Не в силах угнаться, он срезал путь и через проходной двор вышел на нужную улицу. Ей некуда было деться, и она должна была быть здесь, и, тем не менее, улица была пуста. Повторив в обратном порядке ее путь, он пробежал до угла и опять вернулся назад.

Сергей попытался собраться с мыслями. Он спрятался в тени тополя и, вдруг, погрузился в пучину такого отчаяния, что впору было лезть в петлю. Мир сжался до безобразного черного комочка и этот комочек гладили две ладони с алыми коготками. Нежность этой кожи была невыносима!..

...Луч солнца резанул по глазам, ожег лоб, щеки, перед глазами поплыли оранжевые круги. Сергей встрепенулся, сбрасывая наваждение.

Рядом стоял малыш с велосипедом

– Ты дядя не умер? – спросил мальчишка.

– Чего? – спросил он непонимающе и часто-часто заморгал глазами.

– А че ты все стоишь да стоишь тут и ничего не говоришь.

– А-а, – откликнулся Сергей и посмотрел на часы. Они показывали пятнадцать минут пятого. Он не поверил собственным глазам. Выходило что под тополем он простоял больше часа.

Свернув за угол, он медленно побрел по улице. И опять ему привиделись эти же ладони с розовыми коготками. Они трогали шероховатую кору дерева.

...Очнулся он сидящим на лавочке напротив костела. Из-под остроконечного шпиля слетел звон, и Сергей взглянул на часы: было восемь вечера. Он вспомнил об Ольге и жгучий стыд столкнул его с лавочки и погнал в сторону дома. У дверей он почувствовал, как посыл стыда ослабел и исчез совсем. Сергей собрал безвольно распутившийся рот, придал глазам блеск молодого счастья, толкнул дверь и почти столкнулся с Ольгой. Опережая вопросы и выигрывая время, он притянул жену к себе и поцеловал в молочной белизны щеку, там, где струился завиток русого волоса, отчего-то потерявший свою умопомрачительную магию. Сергей не удивился.

– Ты заставил меня волноваться, Сережа, – сказала она, уткнувшись в его шею и лоя запах измены. Потом отстранилась и пылливо заглянула в глаза. – В следующий раз звони, когда удержишься.

От этих слов повеяло холодком. Ольга развернулась и пошла в зал.

Андрей улыбнулся пустой улыбкой, разулся и прошел вслед за женой – там он повалился на диван. Ольга же стояла у стенки с рядами книг за стеклами. Смутно отражаясь в этом стекле, она водила по нему пальцем, рисуя невидимый узор. Потом нервно тронула волосы, собранные в шишку на затылке, взяла с полки лоскут и повернулась к мужу.

– У тебя, Сережа, есть женщина на стороне?

– Что-о?! – приподнялся он с дивана.

– Вот – посмотри.

Сергей развернул лоскут плотной бумаги, больше похожий на пергамент. Текст был таков: «Я люблю твоего мужа. Тебе придется потесниться на супружеском ложе. Готовься!»

Он перевернул лоскут с глупой надеждой найти обратный адрес.

– Бредь какая-то!.. Чушь!..

– Эту бредь, как ты выражаешься, я нашла на своем рабочем столе.

– Может у тебя опять с Натой? Старая любовь не забывается?

– Оля! Никакой любви с ней у меня не было и быть не могло! Так – недоразумение!

– Так где же ты был? Я жду тебя четыре часа! С ума схожу!

– Где я был? – Сергей сник. – Где был? – он сжал губы и зло посмотрел в сторону. – Ты уверена что хочешь это знать?

– То есть как это? – потерялась Оля.

– Я не знаю где я был! – крикнул Сергей. – Наверное у меня болячка в голове! – он опять сжал губы. – Хорошо. Я скажу! Плевать!

Ольга слушала с недоверием, но в конце рассказа, когда была описана внешность незнакомки, ее глаза округлились. Она затараторила высоким противным голосом, будто ее завели ключиком. – Я видела ее сегодня в музее... Я вышла в коридор... я тогда удивилась: неужто такие девицы ходят в музеи? Ей больше пристало вертеться где-нибудь в кабаке или на панели. И – вот еще: она была босиком! Я пошла за ней – хотела выпроводить, но ее нигде не было! Я не могла понять, куда она делась! Вот только была. Потом... – она споткнулась, посмотрела по сторонам, поежилась и сказала нормальным голосом. – Потом я нашла записку... Что это со мной?..

Сергей и слышал, и как будто не слышал ее. В туннеле музейного коридора, воздушно ступая босыми ногами, проходила раз, другой, третий – *она*. Повернув лицо с глазами удлинённой египетской формы, она призывно взглядывала на него и уходила – он видел куда: в темноту под лестницу... в темноту под лестницу... в темноту... в те...

... – Сережа! Что с тобой? Да очнись же ты!

Ольга тормозила его за плечи. Сергей потер виски и застыл с ладонями, прижатыми к щекам.

– Я вижу ее, – сказал он, глядя в пустоту через ее плечо. Ольга с ужасом обернулась и, ничего не увидев, барашком ткнулась в мужнин лоб. – Сережа, мне страшно! Умоляю тебя, прекрати!..

Ее лицо передернулось и почти неуловимо изменилось. Она сказала противным голосом. – Смотри на меня! Смотри! Люби меня! Люби! – и отведя ладони от щек, поцеловала его в губы.

Сергей безучастно покорился ласкам жены и лег на спину. Сладостная дрожь, охватывавшая его при одном только упоминании её имени, сейчас не приходила вовсе, молчание собственного либидо ужаснуло его. Не в силах ответить на пылкие поцелуи, жалившие щеки, шею, губы, он оттолкнул ее, сел на край дивана и обхватил голову руками.

По судорожному дыханию за спиной он понял, что Ольга заплакала. Беззвучно и безслезно.

Однако, она касается его нежной, эфемерной, нет – не ладонью – дланью!

Сережин взгляд, подражая замедленной съемке, заскользил вверх и еще не видя её, по сладостной дрожи, пробежавшей от головы до пят, он все понял.

Она стояла над ним. Одна бретелька соскользнула с плеча и отвалившаяся капсула лифа обнажила смуглую грудь. Египтянка толкнула Сергееву руку и замедленно развернула к Ольге, лежавшей на спине и, в упоении беззвучного плача, закрывшей лицо ладонями.

Немея от счастья, он упорно развернулся, но *ее* уже не было. Он опять повернулся и ему почудилось что незнакомка истаяла под жениным халатом. Сергей рывком, так что отлетели пуговицы, раздернул его и, не обращая внимания на Ольгин восклик, впился глазами в обнаженное тело. Низко склонясь, он всматривался в плечи, грудь, потом опустил и обследовал купол живота и вокруг пупа, сдернул трусики и откинул ладонь, пытавшуюся прикрыть женский лес. Раздвигая джунгли, искал и там.

– Что ты делаешь? – простонала Ольга. – Мне стыдно!

Сергей так по удавьи взглянул на нее, что жена онемела. Он остановил колени, пытавшиеся сомкнуться и сказал, – Но где же?

Его взгляд упал на ступни жены – они затуманились, ногти налились кровавым перламутром. Он завибрировал всем телом и на месте Ольги увидел то что искал – ослепительную химеру в короткой обертке блестящего платья.

Египтянка подняла ногу и ступней уперлась в его лицо, пальцем начертала на лбу таинственный узор. Сергей отвел ногу и, клонясь все ниже и ниже, ухнул в яму нарастающего счастья.

И тетива наслаждения лопнула!

... – Какой ты ненасытный! Хватит – я устала!.. Прошу!..

Он очнулся на Ольге, мокрый теплой липкой влагой. Он с недоумением смотрел на завиток, потной спиралью прилепившейся к когда-то любимой щеке, на чужие испуганные глаза. Grimаса отвращения скривила его лицо,

– Что ты здесь делаешь? – сказал он и перевернулся на спину. Ольга приподнялась на локтях. Губы ее дрожали, – Я твоя жена, Сережа!

– Жену хотят! – отрубил он равнодушно. – Я тебя больше не хочу!

...Саднящая забота тоски сморщила Сергеево лицо и вытолкнула из постели. Жены не было, но это никак не тронуло его. Между штор пробивался утренний луч, пропитанный желтым ядом тоски. Сергей протянул ладонь и поймал солнечную нашлепку. Он убедился, что это – яд.

Без *неё* все – яд!

Он наскоро оделся, не умываясь, не чесанный, и не бритый, пошел вон из квартиры.

На улице яд разнообразно мимикрировал – то сверкал в зеркальных витринах магазинов, то стекал с завитушек чугунных оград, то заливал отравленными узорами асфальт. Отрава, испаряясь, попадала в кровь и оттуда передавалась слюне: во рту было так, словно он сжевал клок жженой шерсти. Он поминутно отплевывался, пробивая коридор брезгливости в спешащей толпе.

В музее длинноногая билетерша сказала, что Ольга ушла. Только что. Плевать он хотел на всех Ольг!

– Я сейчас, – буркнул Сергей. – Там подожду.

– Дак кабинет закрыт!

– Ну и что! – он зыркнул на билетершу с такой ненавистью, что музейный цербер проглотил язык. – Около кабинета подожду...

Свернув в катакомбный коридор – тот что упирался в Ольгин кабинет – он застыл, прислонившись к холодной стене. Ему было совсем дурно. Рвотная спазма подкатывала к горлу. Еще он пытался вслушиваться: не поплелась ли длинноногая нюхалка за ним. Оттуда послышались голоса – пришли первые посетители. Сергей выскочил из своего укрытия, больной птицей пролетел перекресток сходящихся коридоров и забежал за лестницу. Голоса смолкли как по команде, но он сей факт проигнорировал – перед ним было то, что привиделось в его вчерашней грезе: металлическая дверь, за которой скрывалась сладкая химера.

Он потянул ручку многопудовой двери, и она на удивление легко и без скрипа подалась, открыв зовущую черноту нутра.

...Когда в застойную прохладу влился новый запах, ему казалось, что в непроницаемом мраке и полной тишине он провел уже несколько лет, неустанно шагая к влекущему фантому, несомненно обретающемуся где-то там, в неизвестности долгого пути.

Впереди начало сереть и стало теплее. Он ускорял шаги. По бокам проступили стены, сложенные из известняковых плит с концентрическими узорами и таинственными письменами – египетскими, вавилонскими? В сходящейся дали каменного туннеля засветился прямоугольник, похожий на кусочек рафинада. Сергей почти побежал.

...Ступени были залиты нестерпимо ярким светом. Он шагнул в световую ярь и тут же отступил под защиту каменного свода – глазам такого не вынести. Он пощупал необъятный

карман гавайки и вытащил темные очки. Там же была початая пачка сигарет. Смертельно захотелось курить. Брякнув мелочью – звон был неестественно силен в абсолютной тишине – он выудил из такого же необъятного кармана полотняных брюк зажигалку.

Вкус у сигареты был детский – запретный. Докурив, он шагнул вверх.

Перед ним открылось море – ослепительно-синее в морщинах слабого волнения. Песчаный берег выгибался дугой и выносил в райскую синь мыс с пальмами.

– Не может быть! – прошептал Сергей.

И тем не менее – этот пейзаж был на акварели, нарисованной им после неотвязчиво-галлюцинаторного сна. Сна в последнюю ночь у Наты, когда он объявил, что они расстаются, а Ната заявила, что она ведьма и расстаться с ней невозможно. Сережа тогда посмеялся над ней – все вы бабы мните себя ведьмами!

Он отступил вглубь скального прохода и естественный оригинал, заключенный в каменный прямоугольник, принял полное сходство с оригиналом рукотворным, висевшем в кабинете женщины, которую он когда-то называл женой.

...Ольга слепо смотрела в окно своего кабинета, не в силах избавиться от потока мыслей, болезненным колесом крутившемся в голове.

«Конечно, – он просто договорился с этой ряженой дрянью и разыграл комедию с видениями. И она, дура, поверила! Три дня замужем!.. Какой стыд!.. Как смотреть в глаза матери!.. А подруги!.. А на работе!..» – она прикрыла глаза и прислонилась лбом к холодному стеклу. – «Но зачем ему нужно было это?» – утомленный горем и бессонницей мозг требовал ясного и простого ответа. – «Ради квартиры?.. Конечно ради нее! После неизбежного теперь развода они разменяются и у него будет свой угол, куда он приведет эту... эту...» – она думала слезы давно кончились, но – нет...

В дверь постучали. Она торопливо достала платочек и стала промокать глаза. В кабинет заглянул водитель Толик. Спросил, куда Ната пропала? С утра её не было. Ольга, не поворачиваясь, ответила, что не знает. Она её не видела.

Когда дверь захлопнулась, она подошла к зеркалу, привести лицо в порядок. Рядом висела акварель – подарок изменника. На песчаном берегу была фигура — что-то она не помнила ее раньше. Ольга близила и близила к ней заплаканные глаза. Но это же девица, отнявшая у нее мужа! Она сходит с ума?! Женщина сдернула акварель со стены, рванула тугой картоном пополам и бросила на пол.

...Луна висела за его спиной. Свет был ярок и мертв. Сергей стоял у основания своей тени. Её шпиль дробился в набегавших волнах. Их мерный шум был знаком молчаливой вечности, окутавшей его. Сергей ждал, когда надмирное метафизическое спокойствие его духа, которого не касался яд солнца, возмутит *она*.

Подул ветер, зашумела пальма рядом. Да! Вот оно!..

Сергей повернулся. Совсем рядом в шезлонге сидела... Ната.

– Наташа!? – несказанно удивился мужчина. Волны лизали её босые ступни, ветер шевелил соломенную чёлку.

– Но как же так я... я...

– ...ты ждал её.

– Да! Да!

– Посмотри туда, – она кивнула в сторону пальмы.

Совсем рядом, из-за толстого ствола, выглядывала *она*, одной рукой химера прикрывала грудь, другой трогала шероховатую кору дерева.

– Иди к ней, – сказала Ната.

– О, моя несказанность! – выдохнул он и шагнул к египтянке. – Кто ты? Откуда ты? Назови себя?

– Она, это – я, – сказала Ната. – Зови её «Ната».

– Что? Не понимаю? – остановился Сергей.

– Не важно. Иди к ней. Она – твоя. Твоя сладкая химера...

...Оля выходит из отделения милиции. Поземка бьет по лицу, девушка уворачивается, ладонью защищаясь от злых струй. Рядом, на стенде «Розыск» висят два портрета-ксерокопии – Сережи и Наты. Оля косится на них, вздыхает: и сегодняшнее посещение милиции ничего не дало. Сведений о пропавших нет. Исчезли и всё...

Конец

Среди живых

Алеша встал, отряхнул землю, прилипшую к штанам и рубахе. Комочки, падая, сверкали серебряной пылью.

Неужто он вчера так нажрался? Алеша обнаружил себя на собственном огороде, посреди аккуратно окученных картофельных рядков. Это было странно: до беспамятства он прежде никогда не пил. Потоптавшись, Алеша шагнул к дороге, между грядок и чуть не упал, споткнувшись о тяпку, лежавшую поперек рядка. Мать вашу так и этак! Он схватил инструмент и метнул наподобие копья в дальний конец огорода. Тяпка взмыла вверх и, прочертив фосфорической дугой бледное от лунного света небо, исчезла за стеной кладбищенских тополей. Когда столбняк прошел, Алеша задумался: или он допился до чертиков, или спит и видит редкий по достоверности похмельный сон.

Он подошел к дощатому сарайчику, стоявшему посреди огорода, сел на лавочку под стенкой и стал вспоминать вчерашнее. Значит, они окучивали с женой картошку... Так. Когда закончили, он сказал, что неплохо бы выпить с корефанами. Слегка. По случаю картошки и субботы. Жена, заартачилась. Слово за слово поссорились. Он кинул тяпку, выкатил мотоцикл и поехал... Ну, поехал, а дальше-то что?..

Дальше, как он ни вспоминал, была пустота. Видать, точно: он так ужрался, что у него полный провал в памяти. По идее – он отвел мотоцикл домой, взял бутылку, припрятанную в гараже, и пошел к Кольке.

Тут он вспомнил о тяпке. Она никак не укладывалась в эту благостную схему. Так что же? Он погрузился в безнадежную задумчивость. «Да пошло оно все в задницу!» – наконец решил он. – Приду домой – разберусь.

Алеша встал и – лень было идти через калитку – двинул напрямки, между картофельных рядов, решив перелезть через забор. Там до дороги было рукой подать.

Катя вдруг потеряла контроль над собственным телом. Зов плоти заглушил слабые уколы совести. Николаева ладонь, только что робко трогавшая груди, скользнула вниз, и Катя судорожно вздохнула и закрыла глаза.

И тут по крыше грохнуло. Грохнуло так, что они чуть не свалились с ее вдовьего ложа. Дружок во дворе залаял, загремел цепью. Спавшая в соседней комнате дочь захныкала. Катя оттолкнула Николая, метнулась к ребенку, огибая неприбранный после годовин стол. Слышно было, как она зашикала, успокаивая дочку. Николай припал к окну. В голову сразу полезли мысли о жене, ревнивой и вспыльчивой – для нее он был сейчас в рейсе.

– Что это? – шепотом спросила Катя, неслышно подойдя сзади.

– Шпана дурет, наверное, – Николай попытался притянуть Катю к себе. Но она, расцепив его руки, холодно сказала:

– Выйду посмотрю.

– Я – тоже.

– Ты – не ходи.

– Почему?

– Потому. Сиди!

Николай вздохнул, потянулся за сигаретой, но вспомнил, что в доме не курят, и чертыхнулся.

Катя, не зажигая света, взяла с полки фонарь и вышла на веранду. Дружок во дворе завыл. Затаив дыхание и прислушиваясь, она постояла за дверью, потом скинула крючок и выглянула во двор.

– Кто там?! – окликнула она вполголоса.

Дружок по-прежнему выл, задрав морду. То ли полная луна была тому причиной, то ли темный предмет, лежавший рядом с будкой.

Катя включила ненужный фонарь и, скрипя ступенями, спустилась во двор. Предмет оказался тляпкой. Только без черенка. Катя наклонилась, намереваясь взять железяку и вскрикнула от боли: тляпка была горяча, как раскаленный утюг.

Она подула на пальцы и с недоумением посмотрела на тляпку, не в силах понять смысла идиотской шутки. Если это была, конечно, шутка.

Дружок держался с нею рядом и подвывал.

Она пошла в другой конец двора, где у калитки стояла бочка с водой, опустила туда горевшую ладонь. Потом решила и выглянула за калитку. Улица была пустынна.

Она еще постояла над бывшей тляпкой, прикрикнула на пса: от его вытья ей стало совсем тоскливо, потом носком задвинула железяку в траву.

– Что там? – спросил Николай, когда она вернулась в дом.

Катя молча прошла на кухню, положила фонарь, смазала обожженные пальцы сметаной, вошла в комнату и села на диван.

– Чего молчишь? – спросил Николай, присаживаясь рядом. – Что там?

– А ничего. Камень какой-то идиот бросил, – неожиданно для себя соврала Катя.

– Я же сказал, шпана дуреет. Он обнял ее по-хозяйски.

– Ты чего? – спросил он заботливо, его рука, скользнув по груди, уже поползла к ее бедру.

– Ничего! – сказала Катя злым холодным голосом. – Ничего у нас с тобой не получится.

Она решительно высвободилась из его объятий и поднялась.

– Почему? – растерянно спросил Николай.

– А почему я тебе должна объяснять? Ты что мне муж, сват, брат?

Николай растерялся.

– Но ты же хотела м... – Он прикусил язык.

Катя скрестила руки на груди:

– Ну и что же я хотела? Ты говори, не стесняйся!

Николай посмотрел в пол, покачал головой. Но поняв, что терять больше нечего, решил высказаться. До конца.

– Да дать... Дать ты мне хотела!

– Не ори – дочку разбудишь, – спокойно сказала Катя. Потом усмехнулась. – Дурак ты, дурак! Пьяная баба его поманила он и уши развесил... Я протрезвела...

– Ты чего, играла со мной, что ли? – Николай поднялся с дивана, сжимая кулаки. За дверью снова захныкал ребенок.

– Ехал бы ты домой, к жене! – добила Катя и ушла в комнату, к дочери.

...Успокоив ее, она сходила закрыла дверь за Николаем. Потом, стараясь не греметь тарелками, стала убирать со стола. Ей почему-то стало весело. Она даже подмигнула покойному мужу, смотревшему на нее с портрета.

Перемахнув через забор, Алеша отряхнулся еще раз, пятерней пригладил волосы и огляделся. Дома, тянувшиеся по взгорку, имели нежилой, заброшенный вид. Ни огонька, ни звука. Окна, металлические крыши под мертвенным лунным светом излучали болезненное сияние. Он мельком глянул на кладбище и пошел к гудронированной дороге, вившейся под взгорком. Только что тускло блестящая, она вдруг погасла, и ему послышался долгий, будто предсмертный вздох. Он сделал еще шаг к дороге, ставшей черной пустотой, но что-то заставило его обернуться и заново взглянуть в кладбище.

...Металлическая сетка кладбищенского забора в одном месте была отогнута, и в проеме виднелась могила, заваленная венками и цветами. Он пытался собрать разбегающиеся мысли.

Могила была рядом с могилой бабушки, умершей больше десяти лет назад. Место рядом, он помнил, оставили для деда... Но ведь дел был живой вчера...

Алексей неуверенно пошел к холмику с металлической тумбой в изножье. Склонившись, разгреб венки и всмотрелся в фотографию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.